

Роман Мних

Репертуар литературоведческой русистики в современной Европе

Всякий современный разговор, касающийся литературоведческой русистики в нынешней Европе, то есть в Европе начала XXI века, имеет два полюса. С одной стороны, современная русистика подвергается тем искушениям и изменениям, которым сегодня подвержены все остальные гуманитарные науки, в особенности европейская философия и европейское литературоведение.¹ В этом смысле эпистемологический кризис, а также кризис литературоцентризма, о чём скажу ниже, равно как и острая критика „институтов интерпретации“ литературной классики, коснулись русистики может быть даже больше, чем других гуманитарных дисциплин. Ведь Европа, которая не читает *своего* Шекспира или *своего* Гете, вряд ли сегодня серьёзно задумается над текстами Александра Пушкина или Ивана Тургенева.

С другой стороны, европейская русистика является частью европейской славистики, и частью самой сильной и структурно самой репрезентативной в европейских университетах. В этом смысле, кроме сегодняшних общегуманитарных проблем, она имеет сугубо свои, славистические проблемы, отражающие разнообразный круг вопросов: от модернистского (русского) панславизма и судеб православной христианской культуры до места русистики в кругу других славистик. И если первый из упомянутых аспектов нашей проблемы определяется общеевропейским контекстом гуманитарных наук, то вто-

© Роман Мних. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Обобщённый взгляд на проблему кризиса гуманитарного знания в современном мире см.: Смирнов, Игорь. *Кризис современности*. М.: НЛО, 2010.

рой в одинаковой мере зависим как от ситуации в Европе, так и от ситуации в России, её внутренней и внешней политики, её проблем, а также интереса к этим, сугобо российским, проблемам со стороны европейцев. Такой взаимный интерес (России к Европе и Европы к России) в форме культурного диалога начал своё реальное культурно-политическое существование во времена Петра I. До этого времени интерес Европы к Московии (за исключением, очевидно, Польши) имел слишком пассивный характер, чтобы говорить о конкретном диалоге. Недаром Георгий Флоровский по отношению к периоду допетровского Московского государства говорит только о „встрече“ с Западом, а не о реальном диалоге.²

Однако весомое значение для европейской русистики (особенно немецкой, польской и чешской, но также и болгарской) диалог с Западом окончательно приобретает только во время формирования славянофильского движения, то есть во второй половине XIX века и определяется геополитическими отношениями России и Европы в то время. Именно тогда оформляется панславизм как одна из ведущих европейских идеологий, в 50-е годы XIX века создаются кафедры славистики в европейских университетах. Вспомним, что в 1840 году специально для Адама Мицкевича в Париже, в Collège de France создается кафедра славянских литератур, затем создаются кафедры славянской филологии в Бреслау (1841), Берлине (1841), Лейпциге (1843), Вене (1849). Русистика на этих кафедрах была представлена не только в виде дисциплины, но и в кадровом составе — многие профессора, европейские слависты, работали или проходили длительные стажировки в Российской империи (например, Ватрослав Ягич, не говоря уже о целом поколении профессоров русской эмиграции). Панславистические настроения в России во второй половине XIX века были настолько важными, что нашли самые широкие отклики в русской классике. Достаточно вспомнить роман Льва Тол-

² Так называется („Встреча с Западом“) вторая глава книги Г. Флоровского, см: Флоровский Георгий, прот. *Пути русского богословия*. Издание третье с предисловием прот. Иоанна Мейендорфа. Париж: YMCA Press, 1983, с. 30-56.

стого „Анна Каренина“ (1875-1877), один из главных героев которого — Алексей Вронский — в конце произведения уезжает на русско-турецкую войну в Сербию, при этом везет за свой счет целый эскадрон русских солдат. В историческом контексте освобождения Балкан от турецкого ига в 1877-1878 годах вполне понятен рост интереса к русистике, русской культуре и языку в Европе конца XIX века.

В Европе XX века мы наблюдали три периода особого интереса к русскому языку, литературе и философии. Причём все эти периоды так или иначе были связаны также с определёнными политическими событиями. Я имею в виду, во-первых, русскую эмиграцию после октябрьского переворота, когда в Европе активно создавались русские научные центры и даже русские университеты. Эти учреждения финансировались как русскими эмигрантами, так и европейскими правительствами (достаточно вспомнить акцию Томаша Масарика). В каждой отдельной стране русская эмиграция адаптировалась по-своему, но всплеск интереса к русской культуре, философии и религии мы наблюдаем в это время по всей Европе, независимо от идейных ориентаций (левые коммунисты, правые консерваторы, социалисты, христиане, националисты). Россия воспринимается в двух ипостасях — как традиционная, дооктябрьская и как новая, большевистская, идёт активный спор о том, существуют ли две или одна (неделимая) русская культура, и всё это происходит на фоне интереса к русистике.

Второй период в истории европейской русистики XX века, как и новый статус русского языка начинается после Второй мировой войны, с 1945 года. При этом изменение отношения к русистике мы наблюдаем по обе стороны баррикады: Западная Европа начинает активно изучать русский язык и создавать новые кафедры славистики (особенно в Западной Германии) в надежде «понять умом Россию»³, а Восточная Европа,

³ См. об этих проблемах в программной статье одного из известнейших славистов того времени, Дмитрия Чижевского: Tschizewskij, Dmitrij. „Die Lage und die Aufgaben der Slavistik in der Bundesrepublik Deutschland“ // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, 115. Jahrgang. Band 200. Heft 1. Braunschweig 1963, S. 36-52.

которая оказалась под колпаком Советского союза, силою событий, а порой и вполне искренних чувств, была обречена на изучение русского языка. Репертуар литературоведческой русистики в это время строго делится на две части: на одном полюсе литературные произведения и авторы, запрещённые в Советском союзе, на другом — классики советской культуры и литературы.

В этот же период были и весьма трудные моменты в истории европейской русистики, которые мы все, люди любящие русскую литературу и культуру, а также профессионально с ней связывающие свою жизнь, воспринимаем весьма печально. Следы одной такой истории я нашёл в архиве университета в Гейдельберге, работая с наследием Дмитрия Чижевского (1894-1977) — одного из самых видных славистов прошлого века. В документах, представляющих переписку Чижевского с чешскими учёными, находится письмо брненских славистов, текст которого по понятным причинам не подписан конкретной фамилией. Это обращение брненских русистов к славистам всего мира, написанное спустя неделю после Шестого международного конгресса славистов, проходившего в Праге с 7 по 13 августа 1968 года. Мы помним, что после этого съезда в Прагу вошли советские танки и начались, к сожалению, весьма печальные события. Вчитаемся в отрывки из обращения брненских славистов:

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Через неделю после того, как в Праге торжественно закрылся 6 Международный конгресс славистов, в котором приняло участие почти 2.000 делегатов со всех концов земного шара, наша республика стала жертвой незаконного насилия. По Праге, к которой Вы, господин профессор Якобсон, обратились как к городу полному солнечного тепла, в древних улицах которого повеяло новым, свежим духом свободной мысли и исследования, в эти страшные дни проезжают колонны оккупационных танков, сеющих вокруг себя разрушение и смерть. В помещениях философского и юридического факультетов, где ещё недавно учёные всего мира обменивались

своим опытом, раздаются тяжёлые шаги чужих солдат. Мы обращаемся к вам, дорогие друзья и коллеги Советского союза, Польши, Болгарии, Венгрии и ГДР [...] Говорите вашим людям правду! Помогите нам разбить непроницаемую стену лжи, которую создают советские политические деятели с тем, чтобы оправдать неслыханную агрессию в истории чехословацко-русских взаимоотношений! [...] Сделайте всё возможное, чтобы кончилось это трагическое недоразумение. В течение нескольких дней уничтожившее всё, что создавалось целыми поколениями учёных, поэтов, писателей и всех энтузиастов-славистов, посвятивших взаимным отношениям между отдельными славянскими народами свою жизнь. Сделайте всё от вас зависящее, чтобы нам, чехословацким славистам, не было стыдно за свою профессию, чтобы русский язык не стал ненавистным языком оккупантов, которому бы наши дети должны были учиться с таким же отвращением, какое мы проявляли к языку фашистской Германии во время Второй мировой войны⁴.

Пражские и подобные им события, как и так называемый железный занавес, конечно же, не способствовали положительному интересу к русистике в Европе. И этот интерес постепенно ослабевает в 70-80-е годы XX века.

Наконец, в третий раз крупнейший всплеск к изучению русского языка появляется под конец XX века, во времена перестройки Михаила Горбачёва. В это время начинается новая волна эмиграции, ведётся активный культурный диалог между Россией и Европой, издаются совместные книги. Поскольку Россия становится открытой для Европы, то интерес к русскому языку со стороны европейцев усиливается желанием посетить и увидеть Россию. Литературоведческий репертуар пестрит набором авторов и текстов (переводимых и читаемых в оригинале), отражающих разнообразие русской культуры и русской жизни: от запрещённого в Советском союзе сек-

⁴ Полный текст письма находится в Архиве Университета в Гейдельберге, фонд Д. Чижевского (Heid. Hs. 3881), папка № 5, третьего ящика на букву «В» (Buchstabe B: 3. Kasten – Br-Bu, Mappe 05.).

суального дискурса и политики до трагедии русской деревни и всевозможных загадок русской истории (убийство царской семьи, смерть Максима Горького, авторство „Тихого Дона“, процесс Иосифа Бродского и так далее). В этом контексте по-новому предстала и проблема „славянской общности“ в разных странах Европы.⁵

Обозначенная ситуация резко меняется в начале XXI века. По целому ряду причин социальный и собственно студенческий интерес к славянской филологии вообще, а к русистике в частности, в Европе падает, происходит американизация европейского общества, свидетельствующая о новой геополитической парадигме. Хотя сегодня Европа все больше ощущает, что она находится в ситуации МЕЖДУ Россией и Америкой (во всех смыслах слова между, начавшихся после 1945 года). Понятно, что возрождение интереса не только к русской, но и к другим славянским филологиям, а также поддержка такого интереса должны быть приоритетными аспектами внутренней политики славянских стран — членов Европейского Союза. В противном случае уже в ближайшем будущем нас могут ожидать весьма печальные события, связанные с потерей чувства славянской языковой общности в постмодернистской Европе, падением интереса к славянской литературе и культуре. Частью этой культуры сегодня остается русская литература и её язык, который в современном мире функционирует в очень разных социально-политических парадигмах.

Вспомним, что отмеченная выше американизация европейской культуры связана также с доминанцией английского языка, и, что парадоксально, эту доминацию мы наблюдаем даже на славистических конгрессах или конференциях. Такая тенденция свидетельствует о том, что в современном мире знания о стране, её культуре и литературе, могут функционировать без знания языка этой страны. Примерно так, как мы говорим сегодня о древнегреческой трагедии, не зная древне-

⁵ На эту тему см. современные интерпретации традиционных сюжетов славянских литературных связей: Кацис, Леонид и Михаил Одесский. «Славянская взаимность»: модель и топика. Очерки. М.: Ретнум, 2011.

греческого языка, современные учёные часто говорят о русской культуре и об основных текстах этой культуры, не зная русского языка. Правда, с той лишь разницей, что Древняя Греция исчезла с политической карты мира, а Россия не только не исчезла, но и расширяется. И древние греки не знали, что они являются древними греками, в отличие от сегодняшней русской интеллигенции, которая, независимо от своих политических ориентаций, очень хорошо понимает и знает, носителем какой культуры она является.

Однако, сегодня мы находимся в особом положении, я бы даже определил его как очень обнадёживающее. Согласно теории поколений культура дедушек и бабушек с особой силой пассионарности возрождается во внуках. Именно поэтому, мы можем надеяться на новый интерес к русскому языку и русской культуре в Европе, когда русские эмигранты последней четверти века станут бабушками и дедушками, а их внуки начнут интенсивно интересоваться своими русскими корнями. В европейском обществе, если оно к этому времени выживет в диалоге с мусульманской культурой, возникнет социальный заказ на русский язык и культуру, в особенности в таких странах, как Германия, Франция и Англия, где сегодня сосредоточено самое большое количество людей, уехавших из России и владеющих бизнесом и недвижимостью.

После картины такого оптимистического будущего посмотрим, что же мы имеем в реальном настоящем, то есть, чем определяется репертуар литературоведческой русистики в современной Европе и почему, несмотря на политику сегодняшней России, русистика остаётся не только интересной сегодняшнему европейцу, но и праксиологически (социально, психологически) востребованной. Вполне понятно, что в каждой европейской стране русистика определяется отдельным статусом, зависимым от разных исторических и политических парадигм. Так, например, сегодняшняя русистика в Польше, Чехии или Болгарии помогает понять историю этих стран: будь то разделы Польши, упомянутые выше события 1968 года в Праге или освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 года. Особым интересом пользуются так-

же у европейских учёных (и не только литературоведов) теории русских формалистов, наследие Михаила Бахтина и Юрия Лотмана. Тексты этих авторов входят сегодня в обязательную программу высшего образования практически во всех европейских университетах. Наконец, отдельный разговор нужно вести о русской классической литературе и её аксиологических ценностях, не зависящих от историко-политической ситуации и от габитуса исследователя. Эти ценности передаются как посредством традиционного чтения и изучения русской классики, так и всевозможными формами массовой культуры (театр, кино, реклама, Интернет). Ведь русская литература представляет европейцу не только знания о России, но и некий набор ценностей, с которыми европеец соотносит свой смысл жизни и свой интерес к искусству.⁶

В русле сказанного мы можем констатировать ряд интересных фактов и наблюдений, соотносимых с конкретными странами и требующих специальных исследовательских интерпретаций и объяснений. Например, прямо фантастическая популярность „Мастера и Маргариты“ Михаила Булгакова в Польше (зависящая, возможно, от религиозного потенциала текста самого романа) или необычайная популярность Николая Бердяева и Антона Чехова во Франции (обусловленная, может быть, экзистенциалистским дискурсом этих авторов). Бывают ситуации, когда популярность объяснима биографическим дискурсом автора, я имею в виду, например, популярность Булата Окуджавы в Польше — у него здесь были друзья, переводчики и исполнители. Или же аналогично популярность Вероники Долиной во Франции — она по образованию французский филолог.

Если мы говорим в целом о репертуаре русской классики в современной Европе, то, по всей видимости, отдельно нужно сказать о Фёдоре Достоевском и его необычайной (до сегодняшнего дня) популярности, особенно в Германии. Я думаю, что это связано с двумя причинами. С одной стороны, романы

⁶ См. об этом подробнее: Мних, Роман. Эволюция ценностной парадигмы в интерпретациях классической литературы // *Revitalizace hodnot: umění a literatura. Kolektivní monografie*. Brno: Tribun EU, 2013, с.293-300.

Достоевского являются своеобразной (хотя и запоздалой) реакцией на проблемы европейского Просвещения, идейная парадигма которого отражала острое столкновение *веры и разума*. Практически всех героев этого писателя мучит вопрос о соотносимости рационального устройства мира и веры в Бога, веры в высшую справедливость. Этим Достоевский кардинально отличается, например, от Толстого, в художественном мире которого происходит столкновение не столько *веры и разума*, сколько *чувства и разума* (чувства долга, чувства любви, чувства свободы). Европе после эпохи Просвещения не хватало и не хватает именно веры, и многие события, имевшие место после Великой французской революции, можно объяснить отсутствием настоящей веры, то ли в человека, то ли в Бога. В этом смысле тексты Ф. Достоевского постоянно напоминали и напоминают европейцу о христианских корнях европейской культуры и о мучительных вопросах христианской концепции мироздания.

С другой стороны, интерес к Достоевскому определялся также границами когнитивных практик и обыденного сознания (а не учёных и исследователей), как реакция на парадигму „своё — чужое“. Европейцу всегда импонировало и продолжает импонировать это человеческое, слишком человеческое (и гадкое, и подлое, и святое, и возвышенное), представленное и воплощённое в героях Достоевского. Но одновременно европеец всегда понимал, что русский человек действительно слишком широк, а любые попытки сузить его вели к расколу, идеологии декабристов, русских анархистов, террористов, а в конечном итоге — к бесовству и октябрьскому перевороту. Этот колоритный набор экзистенциальных характеристик (антропологических и политических) представлен также и в текстах современных русских авторов, творчество которых при всём разнообразии свидетельствует о традиции Достоевского (Татьяна Толстая, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Людмила Улицкая). Хотя очевидно, что современная русская литература парадоксальным образом не столько отражает реалии русской действительности, сколько представляет способ мышления современного россиянина. Для европейца такое

мышление само по себе тоже очень интересно, потому что оно всегда „разворачивается“ в совершенно незнакомом для него пространстве — в геополитическом пространстве России как пространстве столкновения Азии и Европы (Москвы и Петербурга). Независимо от того, будем ли мы считать, вслед за Павлом Милюковым и Иосифом Бродским, современную Россию Азиопой, будем ли мы рассматривать её культуру как поле вечного столкновения славянофильства и западничества или же интерпретировать российское общество XXI века как оплот современного евразийства. Ведь даже сегодняшний русско-украинский конфликт можно рассматривать и интерпретировать в упомянутых идеологических парадигмах, не говоря уже об историческом и культурном диалоге России с Западом.

Перейдём теперь к вопросу о том, какой круг проблем из области русистики может быть интересным для современного европейца, в ситуации явного кризиса литературоцентризма и нового витка переосмысления ценностей. Мы столкнулись в этой ситуации с новым осмыслением русских теорий литературы⁷, новым прочтением русской классики (как русскими литературоведами, так и европейскими) и кризисом самой системы понятий, используемых для описания и интерпретации литературного произведения. В русле этих мыслей среди всех монографических подходов к изложению истории русской литературы в современной Европе (русский эрос, формы русской семьи, политические дискурсы в русской литературе, гендерные дискурсы в русской литературе, ольфакторное пространство русской литературы (мир запахов) и тому подобные концептуализации) сегодня можно специально остановиться на двух.

Во-первых, это утопический дискурс русской литературы, в границах которого русская литература рассматривается как форма утопии, прежде всего общественной, но не только, а

⁷ См. об этом: *Русская теория 1920-1930-е годы*. М.: РГГУ, 2004. Сегодня не устарела и давняя книга Виктора Эрлиха, посвящённая русскому формализму: Erlich, Victor. *Russischer Formalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986 (1-е изд. 1955).

также эротической, семейной, педагогической и даже звериной⁸. При чём семейная и педагогическая утопии особенно значимы для понимания советского периода русской истории. В нашем случае речь идёт, конечно же, не о жанровых формах утопии в литературе, а о том, что практически всю русскую литературу можно рассматривать как некий утопический проект: от „Почтения“ Владимира Мономаха и золотого слова Святослава в „Слове о полку Игоревым“ через русскую классику XIX и XX века до творчества современных авторов. В этом контексте соседствуют явные литературные утопии и антиутопии (романы Николая Чернышевского, Евгения Замятина, Антона Макаренки и вся советская классика) с паралитературными текстами, отражающими утопическое сознание „русского“ человека (тексты Виссариона Белинского, Владимира Ленина, Иосифа Сталина).

По отношению к русской литературе и культуре интересным предстаёт и тот факт, что проблемы утопии как извечной и необходимой составной в сознании человека осмысливаются здесь в самом широком контексте: от античности⁹ до того утопизма в истории русской мысли, о котором известнейший философ русского зарубежья Василий Зеньковский писал следующее: „Обилие утопических построений в истории русской мысли, постоянное возвращение к ним позволяют утверждать, что дух утопизма не есть случайное явление в русской культуре. Тот же факт, что в русском утопизме с страшной, можно сказать роковой, силой проявилась демоническая стихия, что идея революционного скачка и насильственного изменения хода истории до сих пор не потеряла своей власти над русскими умами, — все это заставляет с особой вдумчивостью отнестись к анализу утопизма вообще“¹⁰. А литературоведческое и философское осмысление русского утопизма, представ-

⁸ См. специально: *Утопия звериности или Репрезентация животных в русской культуре. Труды Лозаннского симпозиума 2005*. Ред. Леонид Геллер. Лозанна—Дрогобыч: Коло, 2007.

⁹ В этом контексте достаточно вспомнить известный текст Ольги Фрейденберг, см: Фрейденберг, О. Утопия // *Вопросы философии*, 1990, № 6, с. 148-167 (Публикация Нины Брагинской; см. также „Предисловие к публикации“, с. 141-147).

ленное в книге западных русистов Леонида Геллера и Мишеля Нике „Утопия в России“¹¹, послужило толчком к целому ряду публикаций в России на эту тему, и количество этих публикаций растёт с каждым годом¹².

В русле сказанного утопия в русской литературе и культуре представляет некую проекцию и стратегию будущего, попытки строительства которого или даже его частичная реализация создают следующую, необходимую для развития, культурного и геополитического движения, утопию. В такую парадигму вписывается эпоха Петра I, Екатерины II, декабристов, русских анархистов, большевиков (Ленина и Сталина), Никиты Хрущёва, Леонида Брежнева и, конечно, культура современной России. В вечных вопросах русской литературы происходила концептуализация утопии и её идеологических стратегий: „возлюбленная тишина“ Михаила Ломоносова, царство разума Гаврилы Державина, „обломки самовластья“ Пушкина, дальше герои и лишние люди (каждый в своём времени и в своём пространстве) с их вопросами — что делать? кто виноват? когда же придёт настоящий день? и так далее до поэтики колхозов и общих котлованов, Чапаева, пустоты и голубого сала. Русский авангард, представленный так обширно в исследованиях европейских русистов, по сути своей был тоже репрезентатом именно утопических проектов. Для современного интеллектуального европейца, очевидно, все это интерес-

¹⁰ См.: Зеньковский, Василий. Черты утопизма в истории русской мысли // Он же. *Собрание сочинений*. Том 1: О русской философии и литературе. Статьи, очерки и рецензии 1920-1961. М.: Русский путь, 2008, с. 214-227; с. 227.

¹¹ Геллер, Леонид и Мишель Нике. *Утопия в России*. Перевод с французского. СПб.: Гиперион, 2003.

¹² Укажу только на две обобщающие монографии, появившиеся в последнее время: 1) „Русская утопия в контексте мировой культуры“, сост. Вячеслав Шестаков, СПб.: Алетейя 2013; 2) „Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков, отв. ред. Наталья Ковтун, Москва: Флинта, 2014. Для нашей темы особое значение имеет „Предисловие“ Шестакова („Утопия как проблема русской ментальности“) к первой из названных монографий (с. 5-13), в котором не только очерчен характер литературных, философских и социальных утопий в России, но и представлена обильная библиография предмета.

но по принципу вневходимости и конкуренции утопических дискурсов (европейского и российского).

Второй подход я бы определил понятием, предложенным польским литературоведом Люцианом Суханеком по отношению к литературе русской эмиграции.¹³ Я имею в виду концепт *эмигрантология*, но в более расширительном смысле этого понятия. Речь идёт не только и не столько о литературе русской эмиграции, сколько о творчестве как способе ухода из реальности, способе эмиграции из того социума, в котором живёт автор и пишет художественное произведение. С одной стороны, это уже упомянутая позиция некоей вневходимости, как бы гарантирующей объективность описания, с другой стороны, однако, это репрезентация заведомо неосуществимой модели социума и модели поведения людей в этом социуме (здесь эмигрантология напрямую сталкивается с утопией).

Европейцу интересен также статус автора в России, ответ на вопрос, как живёт русский писатель и почему он вообще пишет? Этот концепт, опять же, проецируется на всю русскую классику, в которой „поэт не дорожит любовью народной“, „пока не требует поэта к священной жертве Аполлон“, где „в христианнейшим из миров // Поэты — жидаы“, в которой авторы и герои, как правило, воспитываются в Европе для того, чтобы как можно лучше высказываться о России и исправлять русский быт на европейский манер. Всё это касается уже упоминаемого Петра I, русских классиков, начиная от Ломоносова, декабристов, и так далее до Ленина и сегодняшнего поколения: золотая молодёжь современной России, как правило, получает образование и воспитывается в Европе. В такую парадигму, конечно, вписываются и литературные герои русской классики: от Чацкого и Ленского до князя Мышкина. Причём такое горе от европейского ума характерно даже для авторов, никогда не бывавших в Европе, как Пушкин, или побывавших уже после написания самых важных своих текстов,

¹³ Суханек, Люциан. Россиеведение и эмигрантология. Новые формы исследований и дидактики в польской славистике // Новая русистика № 5 (2012), Supplementum, с. 17-21.

как Лотман (в абсолютно положительном смысле европейского ума). Поэтому современные русские на вечный вопрос „Кому на Руси жить хорошо?“ — отвечают: „Тому, кто уехал в Англию“.

Возвращаясь к вопросу о репертуаре современной русистики, мы можем говорить даже о своеобразной конкуренции этих двух проектов (утопии и эмигрантологии), и не только в русской истории и русской литературе, но и в европейском пространстве. Такая конкуренция началась парадигматически во время первой волны русской эмиграции и длится до сегодняшнего дня. Возможно, именно ею объясняется скепсис многих европейских политиков и интеллектуалов по отношению к будущему России как единого монолитного государства. Возможно также, что концептами утопии и эмигрантологии объясняется многое из того, что происходит в современной России.